

ВСЁ ОТ ЛЮДЕЙ

Сколь раз пытался самому себе объяснить, в чём эта енисейская нота, то пыхающая сизой далью, то звякающая на морозном воздухе топориком по обледенелой ходовой «бурана», то ещё с юности поражающая штабелем седых заиндевевших налимов в крытом дворе, дак вот сколь ни бился, ни старался, чувствовал – это почти невозможно. Хотя связана эта самая нота конечно с рыбацкой енисейской жизнью и, конечно, со стариками, чьи рассказы и создают то самое ощущение, которое так трудно передать, и сами им так пропитаны, что продолжают тревожить и поражать, как и много лет назад.

Вот выкинули тебя впервые на этот берег, и вокруг тайга, вода – и всё ровное, огромное, как по линейке отрезанное, – галечник, хребет с лиственничником, ельник. Всё будто притаилось и ждёт ключа. Приезжают экспедишники и туристы, привозят с собой кусок города и не видят Енисея, потому что этот ровный, безлюдный и молчащий поток начнёт говорить только через людей, и, конечно, в первую очередь через стариков. Это они раскрашивают его своим словом, своим глазом, и под ним, как под рубанком, берётся он стружкой, завивается подробностью, обрастает деревеньками, историями, рыбами, становится седым, серым, пепельным, как брёвна изб, полозья и копылья нарт, как тела веток (долблёных лодок), как топорница и пеховища (черена пешен). И всегда даль времён и расстояний, рассказы о других посёлках, прежних и дальних людях особенно тревожат, и именно простор особенно манит, и притуманенный Енисей особенно выразителен и заповеден. А старина... Остяцкие чумы, илимки, конная почта, обозы. Купеческая крепость центра, и далёкий Север

с седым обилием рыбы, в скрипучих промороженных возах ползущей с низу, оленные остяки и тунгусы, рассказы о которых всегда полны вечного удивления, и судовая история Енисея, её старинное наречие, до сих пор сохранившееся в языке лоций: «у приверха Мирновского острова», «Ножевые камни», «Канготовские опечки». «Пройдя второй белый буй, следует лечь на кормовой створ N48, а приближаясь к приверху осередка, лечь на створ N37 и держаться на нём точно, чтобы не коснуться широкой правобережной косы-заманихи...». «Пройдя красный буй на 39 км, надо лечь на кормовой створ N37 и оставить слева ограждённое буюм затонувшее судно». В лоции обозначено и судно – пароход «Минусинск», 1909 г.

...А имена енисейцев: Егор Елизарыч, Николай Никифорыч, Пётр Трофимович! А названия: у Рябого (ударение на «я») Камня, у Лиственей! А речь: пьяной в дым, здравствуй-ка, имать, промыслять, зуб упал, ездит взад-впередь, че-набидь привези мне-ка, от бесстызая роза, от, падина, ой, не знай чо будет, Анисей ушёл – воду увёл...

Какая разница, допустим между словами «булькотит» и «буркотит»? Булькотит – в брюхе, а буркотили – это целый день на реке с плавной сетью провошкалились и хрен чо добыли. Когда Енисей зашугует, скажут: шебарток стоит, а когда поля посерьёзней пойдут-загрохочат: о-о-о, што ты, парень, Анисей токо громоток делат. «Ванча-то, – скажет про внука бабушка, – дурупляс, опеть нагрезил» – значит опять набедокурил, напроказничал. «Напрокудил, такой уросливый, бродни все выбродил, и ноговицы (голяшки от бродней) все посыпались, у него-ка и напалок на рукавице, и палец вередил, такой глуздырь, от яскорь тебя-то!»

– А скажи, бабка, сколь у тебя капканьев стоит?

– А сыснадцать стук!

– А скажи, бабка, как здоровье-то у тебя?

– А плохо, сына, плохо. Давеча полезла козочкам сено давать, и оборвалась, да и повешалась. И теперь и туто-ка болит, и тамо-ка, и не знай, то ли от усыба, то ли растязенье!

Горноста́й называется горноста́ль, росомаха – росомага. Закрыть капканы – запустить капканья. Поехать через Енисей называется коротко – «через»: «поехал через».

Помню стоял на угоре покойный дед Митрофан – Митрофан Акимыч Ярков – крепкий, здоровый, породистый, пепельный, как кряж, а говорил всегда

плаксивым игрушечным голоском. Вот стоит он на угоре и, глядя на фарватер, опасается, не рыбнадзорский ли катер идёт: – А это чо там, сына, ползёт такое? Чо за болесь? – плачет-поёт Митрофан. А потом приглядывается: – А не-е, сына, это такой (в смысле обычный) катер, неподозрительный.

Нашёл в одной книге старинную карту земли Туруханской. Там всё нарисовано несусветно, огромная Мангазея посередке, совсем маленькая Подкаменная Тунгуска лепится, Хатанга здоровенная, огромный Ессей, а Енисей кривой, и над ним море, и написано: Море Океян.

Енисей это обязательно вся река до самого низа, Караула и Усть порта или Воронцова и Сопкорги. Единый поток, дорога рыба и человекья – всегда поражающая своей длиной. От Красноярска до Новосибирска 800 километров, и это два разных города, две Сибири – Восточная и Западная, и освещаются они двумя громадными странами: Саянами и Алтаем, и всё тут разное, а по Енисею один Туруханский район тянется больше тысячи километров и все друг друга знают – расстояние громадное, а река одна и мир один.

В колхозные времена по каким-то тех лет соображениям отправляли рыбацкие бригады из Бахты на низ, и оттуда мужики, набравшись северного рыбацкого духа, привозили впечатления, рассказы. Сравнивали Енисей с Енисеем, поражались его низовской ширью, рыбным обилием, пристойными нельмами, чирами, омулями, и снова, входя в привычную жизнь, укладывали взгляд в знакомые с детства очертания берегов и мысов.

Зимняя картина: просвет Енисея с ярко-белой завесой, меловая даль и сквозь вечную и свирепую запылённость простора проступающие два берега с чахлой тайгой. На левом – частокол чернолесья, чахлейшего и остроконечного ельника и пихтача, а с правого, каменного – уступы таёжных яров, с антенным беспорядком лиственей.

На восходе самый холод, тянет с хребта ночной хиусок, кладёт печные дымки, и они, загибаясь, текут к Енисею, и обязательно синим утром маячат рядом с берегом согнутые фигуры. Люди смотрят налимьи удочки. Один из них дядя Илья.